

ВЕРБАЛЬНАЯ ИРОНИЯ: АНОМАЛЬНОЕ ИЛИ НЕТРИВИАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКА?

К. М. Шилихина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 марта 2013 г.

Аннотация: в статье анализируется сознательное отступление от канонов узуального употребления языковых единиц в дискурсе, ведущее к возникновению иронии в высказывании / тексте. В фокусе внимания оказываются понятия языковой нормы, языковой аномалии, узуса и нетривиального использования языковых средств. Опираясь на примеры из Национального корпуса русского языка и фрагменты нехудожественных текстов различных жанров, автор показывает, что нарушения имплицитных узуальных норм далеко не всегда приводят к аномалиям и ошибкам: сознательное отступление от «привычного», ожидаемого использования языка может передавать дополнительную прагматическую информацию. Если эта информация включает в себя негативную оценку ситуации, высказывание может быть интерпретировано как ироническое.

Ключевые слова: языковая норма, узус, аномалия, вербальная ирония, лексический прайминг, коллокация.

Abstract: the paper analyses conscious flouting of usage conventions as a source of verbal irony. The concepts of language norm, linguistic anomaly, usage, and non-trivial language use and their application to the analysis of verbal irony are discussed. Drawing on examples from the Russian National Corpus and non-fictional texts of various genres the author claims that flouting of usage conventions does not necessarily lead to errors. Conscious violation of the expected or normal language use can convey additional pragmatic meaning. If negative evaluation of the situation constitutes part of this meaning, the utterance is likely to be interpreted as ironic.

Key words: linguistic norm, usage, anomaly, verbal irony, lexical priming, collocation.

Исследователи вербальной иронии сходятся во мнении относительно ее основного свойства: ироническая интерпретация высказывания возможна при наличии семантического или прагматического несоответствия между элементами высказывания либо между высказыванием и описываемой ситуацией. Очевидно, высказывание должно содержать некоторый сигнал нарушения смысловой целостности (когерентности) сказанного; основная функция этого сигнала заключается в том, чтобы побудить адресата к поиску скрытого смысла. Возникает вопрос, каким образом участники дискурса распознают нарушения семантической и прагматической когерентности высказывания / текста и интерпретируют эти нарушения как коммуникативно значимые?

Целью данного исследования является анализ соотношения языковых свойств иронического высказывания с понятиями нормы и узуса. В частности, нас интересуют намеренные отступления от языковой нормы или узуальных конвенций употребления языковых единиц, которые выполняют функцию сигнала иронической интенции говорящего. Материалом исследования послужили Национальный корпус русского языка [1] (далее – НКРЯ), а также созданный автором корпус размеченных нехудожественных текстов. На момент написания статьи общий объем корпуса составил около 2 млн словоупотреблений.

Поскольку обязательным условием возникновения иронии является намеренное нарушение семантической целостности высказывания, можно предположить, что такое нарушение, т.е. отступление от некоторой нормы, должно быть маркировано лингвистически. По словам Н. Д. Арутюновой: «Ненормативные признаки требуют специального обозначения. Они должны быть выделены и названы» [2, с. 10]. Таким образом, отступление от нормального, ожидаемого, привычного употребления языковых единиц оказывается наиболее простым способом указания на ироническую интенцию:

[1] *И даже если кардинальная мысль репортажа железобетонной Ольги Скабеевой, гордости госканала, заключается в малочисленности акции, а камера случайно выхватывает людское море вплоть до Пушкинской — не страшно* [Текст 0277].

[2] *С иронией заметим: у полноценного хрестоматийного хипстера непременно есть богатый родич, который позволит тому безбедно бездельничать в дни безработицы и бессилия* [НКРЯ].

Приведенные контексты содержат случаи нетривиальной лексической сочетаемости; выделенные коллокации могут считаться сигналами наличия дополнительных смыслов в высказывании. Эпитет *железобетонная* – один из сигналов авторской иронии в примере [1]. Анализ употребления прилагательного *железобетонный*, по данным НКРЯ, показывает,

что его употребление с именем собственным является примером необычной лексической сочетаемости; более ожидаемыми являются коллокации данного прилагательного в его прямом значении с именами, обозначающими строительные конструкции и элементы, а в переносном – с существительными типа *логика, знание, принцип* (заметим, что такое употребление также встречается нечасто). Ирония в примере [2] также создается благодаря неожиданной лексической сочетаемости: если в случае с *полноценным хрестоматийным хипстером* есть некоторое семантическое противоречие между объектом и приписываемыми ему свойствами (вряд ли человека, относящегося к данной социальной группе, можно оценивать с точки зрения полноценности или хрестоматийности), то в случае с коллокацией *безбедно бездельничать* такого семантического противоречия нет, это просто единичное словосочетание. Для носителей русского языка привычными являются коллокации *безбедно жить / существовать* (на это указывают и данные НКРЯ), поэтому сочетание *безбедно бездельничать* воспринимается как отступление от ожидаемого употребления.

Ясно, что одной нетривиальной лексической сочетаемости мало, чтобы интерпретировать случаи, подобные [1] и [2], как иронию. Еще одна особенность иронической коммуникации заключается в обязательном выражении негативной оценки ситуации. В приведенных контекстах обе обсуждаемые ситуации оцениваются отрицательно. Имплицированная критика выражается в том числе и через необычные коллокации. Снова сошлемся на Н. Д. Арутюнову: «Отклонения от нормы возбуждают не только внимание и коммуникативные центры, но и эмоции» [2, с. 10]. Кроме того, в примере [2] металингвистический комментарий *с иронией заметим* настраивает читателя на необходимый говорящему способ восприятия сказанного.

Поскольку речь идет об отступлениях от нормального, привычного использования языка, необходимо определить, какое место в ряду других языковых отклонений занимают те, которые нарушают общую семантическую и прагматическую целостность высказывания, но при этом могут быть интерпретированы как коммуникативно значимые. Для этого обратимся к традиционным для лингвистики понятиям нормы, узуса, языковой аномалии, языкового творчества.

Норма vs. аномалия, узус vs. нетривиальное использование языка. Понятия нормы и языковой аномалии являются одними из ключевых в современной лингвистике [3–7]. Представление о норме – некотором наборе правил, эксплицитно регламентирующих использование языка, – лежит в основе не только системных лингвистических описаний, но и

речевой деятельности обычных носителей языка. Можно назвать два источника наших представлений о норме: во-первых, норма усваивается ребенком по мере накопления коммуникативного опыта в процессе усвоения языка. Во-вторых, знания о правильном использовании языка (т.е. таком, которое соответствует норме) человек приобретает в процессе сознательного обучения. Эта двойственность нормы (ее одновременная «интуитивность» и осознанность) отражена в определении аномального, предложенном Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым: «Аномальными называют явления, которые нарушают какие-либо сформулированные правила или интуитивно ощущаемые закономерности» [7, с. 437].

Языковая норма – традиционный объект исследования стилистики: в рамках стилистического анализа описываются эксплицитные, системно закрепленные нормы использования языковых единиц. Рассуждения о норме сопровождаются комментариями случаев отклонения от нее, и тогда исследователи говорят об аномальном использовании языка [2; 4] или об отрицательном языковом материале [8].

Вернемся к мысли о двойственности нормы, о ее одновременной интуитивности и осознанности. Знание о том, «как правильно» следует говорить и писать, отражено в системе правил, в первую очередь грамматических. Отступления от этих правил классифицируются носителями языка как ошибки:

[3] *Толик заметил, что бабушка Степановна говорит неправильно – «соседы», но теперь, в отличие от первой встречи, промолчал, потому что он уже уважал старушку, хотя и не мог бы сказать, за что, если бы его спросить об этом* [НКРЯ].

Интуитивно осознаваемые конвенции употребления языковых единиц относятся к сфере узуса. Узус – продукт коллективного коммуникативного опыта; узусальное употребление языковых единиц – это то, что носители языка описывают в терминах привычного и ожидаемого, например:

[4] *В опере ведь самое главное — музыка, вокал. Не зря же в русском языке принято говорить «иду слушать оперу», а не «иду смотреть оперу»* [НКРЯ].

Представления о предпочтительном использовании языковых единиц отражаются в металингвистических комментариях носителей языка:

[5] *Не «я думал», а «мне думалось» – вот это было бы точнее, хотя, кажется, так не говорят* [НКРЯ].

[6] – *Не все и у классиков хорошо, – произнес он вчера. – Вот, например, у Некрасова: «В лесу раздавался топор дровосека». На самом деле так говорить неправильно: ведь стук раздавался, а не топор. Но ввиду того, что Некрасов классик – мы ему прощаем* [НКРЯ].

Отступления от узуального употребления в речи могут маркироваться специальными дискурсивными маркерами, например:

[7] *То есть удельный, если можно так сказать, уровень «мракобесия» в США/ЕС близок к российскому* [НКРЯ].

Эксплицитно выраженное сомнение в собственном лексическом выборе и есть сигнал того, что говорящий осознает, что, выражая мысль подобным образом, он отступает от привычного и ожидаемого адресатом употребления языковых единиц [9].

В отличие от нормы, в случае с узусом речь уже не идет о строгих правилах, нарушение которых расценивается как ошибка. По мнению Д. Херли, Д. Деннетта и Р. Адамса, носители языка обладают имплицитным знанием о том, какое употребление языка является более предпочтительным, и это знание позволяет отличать приемлемое, правильное использование языковых единиц от неприемлемого: «Наше знание в значительной степени основано на статистике. Когда что-либо кажется нам маловероятным, мы не занимаемся статистическими подсчетами – мы просто знаем (или, точнее, чувствуем), что это событие маловероятно. Статистические подсчеты уже сделаны до нас, и в нашем опыте взаимодействия с миром есть знание о вероятности тех или иных событий, и когда эта вероятность нарушается, мы удивляемся» [10, с. 242; пер. наш. – К. Ш.].

Казалось бы, различия между нормой и узусом очевидны: норма – это закреплённая в правилах «инструкция по эксплуатации» языковой системы, а узус – это то, что интуитивно считается привычным и ожидаемым. Можно предположить, что нарушения языковой нормы и отступления от узуса будут приводить к разным результатам, следовательно, в лингвистическом анализе они будут терминологически разграничены. Однако и нарушения нормы, и отступления от привычного, узуального использования языковых единиц описываются в одних и тех же терминах аномалий и ошибок, причем нередко отступления от узуального употребления рассматриваются в рамках нарушения нормы: «Показатели аномалии – это наиболее заметные и легко обнаруживаемые характеристики аномалий. Они выступают на уровне поверхностной структуры в виде разнообразных лексических и грамматических нарушений: ошибок в употреблении видов, неправильного построения сочинительных конструкций, искажений модели управления, нарушений всех видов сочетаемости лексем» [11, с. 126]. В приведенной цитате грамматические нарушения связаны с нормой, в то время как искажения лексической сочетаемости относятся, скорее, к области узуального употребления языковых единиц.

Анализ иронических высказываний и текстов показывает, что для выявления сигналов иронии более

функциональными оказываются два вида противопоставлений: *норма vs. аномалия* и *узуальное vs. нетривиальное использование языка*. Противопоставление нормы и аномалии удобно для описания случаев, когда речь идет об отступлении от явно сформулированных правил. Лингвисты предлагают различные классификации языковых аномалий (детальные таксономии аномалий представлены в работах [4; 7]).

Для анализа иронической коммуникации наибольший интерес представляет разграничение абсолютных и относительных аномалий: первые связаны с нарушением грамматических норм, вторые выражаются «... в нарушении более тонких, содержательных сочетаемостных запретов – семантических, референциальных, прагматических, коммуникативных – вследствие выбора языковой единицы, не имеющей нужного свойства» [12, с. 5]. По мнению Ю. Д. Апресяна, абсолютные аномалии делают текст неправильным, и не существует такого способа интерпретации, с помощью которого можно было бы предложить рациональное объяснение нарушения языковых норм. «При относительной аномалии высказывание неправильно относительно одной содержательной интерпретации (обычно – наиболее вероятной), но правильно относительно другой интерпретации (обычно – менее вероятной, предполагающей странный, хотя и возможный, мир)» [4, с. 56–57].

Очевидно, противопоставление абсолютных и относительных аномалий соотносится с различиями, существующими между нормой и узусом. Относительные аномалии – это и есть намеренные отступления от узуальных конвенций, дальнейший анализ которых мы будем проводить в терминах узуального vs. нетривиального использования языка. Эта оппозиция связана с существующим у носителей языка имплицитным знанием о том, как должны сочетаться друг с другом языковые единицы.

Поскольку описание узуальных свойств лексических единиц может вестись только в вероятностных терминах, систематизация информации об узуальном употреблении слов и конструкций стала возможна с появлением языковых корпусов и развитием статистических методов анализа различных видов сочетаемости языковых единиц [13].

Одной из теорий, предлагающих объяснение закономерностей, которым подчиняется лексическая сочетаемость, является теория лексического прайминга. Ее исходным теоретическим положением является идея о том, что все слова языка «предрасположены» встречаться в определенном окружении, и эта «предрасположенность» определяется семантическими и грамматическими характеристиками слова. Теория лексического прайминга не только описы-

вает закономерности лексической сочетаемости, но и объясняет, каким образом носители языка ориентируются в выборе коллокатов [14]. Лексический прайминг – это, по сути, и есть те самые трудноуловимые конвенции узуса, отступление от которых легко заметить носителю языка:

[7] Там у него написано: воробей ходит... Да, по-русски **так не говорят**. Воробей прыгает, летает, но уж никак не ходит [НКРЯ].

Поскольку конвенции визуального употребления языковых единиц не являются жесткими, носители языка могут проводить разнообразные «лингвистические эксперименты». Результатом эксперимента, как правило, является возникновение новых смыслов, которые, несмотря на необычную языковую форму выражения, все же поддаются рациональной интерпретации. Нетривиальное (по сути, творческое) использование языка – это экономный способ представить другой, необычный взгляд на мир, поэтому лингвисты предлагают не считать аномальными результаты языкового творчества, т.е. стилистические тропы и фигуры [12].

Отступления от привычного использования языка, лежащие в основе многочисленных художественных приемов, также описываются в терминах аномалий: «Приемы, специфические для языка художественной литературы, практически целиком созданы отклонениями от семантического шаблона. Их можно условно разделить на две категории: 1) сводимые (с потерей образности) к семантическому стандарту (риторические тропы и фигуры), т. е. интерпретируемые аномалии, 2) несводимые к стандартной семантике (прагматические аномалии, абсурд, нонсенс)» [6, с. 88–89]. Анализ корпуса нехудожественных текстов показывает, что приемы, о которых идет речь, не являются специфическими для языка художественной литературы и часто используются в повседневной речевой практике: отклонения от узуса (в частности, намеренные нарушения различных видов сочетаемости) могут приводить к возникновению иронии. Иными словами, сигнал иронии будет по какому-либо признаку «выбиваться» из собственного окружения, из более широкого контекста. Приведем несколько примеров.

[8] Впрочем, за Митрофанова обидно. **Целый депутат**, глава комитета, авторитетный человек. А погореть может из-за цены вопроса меньше сотни тысяч долларов [Текст 0517].

Комментарий журналиста содержит коллокацию *целый депутат*, которая обращает на себя внимание. Чтобы объяснить, в чем заключается семантическое рассогласование между прилагательным и существительным, обратимся к другим случаям использования словосочетания *целый + N*, представленным в НКРЯ:

[9] На мой взгляд, лучше бы этот налог пока сохранить. Но у правительства есть **целый набор** соображений, которые вызывают желание его убрать [НКРЯ].

[10] Но там, безусловно, есть **целый ряд** содержательных разногласий, которые выявились еще на стадии разработки концепции [НКРЯ].

Существительные *набор*, *ряд*, *класс*, *эскадрилья*, с которыми прилагательное *целый* встречается в НКРЯ, называют совокупности некоторых однородных объектов. Интересующие нас коллокации указывают на целостность множеств, и такие употребления прилагательного *целый* можно считать ожидаемыми, привычными для носителя русского языка. Существительное *депутат* в примере [8] не относится к наименованиям совокупностей, поэтому его употребление с прилагательным *целый* можно считать отступлением от узуса, языковой игрой. Негативная оценка, присутствующая в высказывании, позволяет интерпретировать его как ироническое.

До сих пор обсуждались контексты, в которых ирония возникает в результате отступлений от узусальных конвенций лексической сочетаемости внутри отдельных именных групп. Однако ожидания адресата могут нарушаться и на более крупных отрезках текста, включающих несколько синтаксических групп. В теории лексического прайминга такие случаи описываются через понятие текстовых семантических ассоциаций: каждое слово языка «предрасположено» вступать в определенные семантические отношения с другими элементами текста. Нарушение этих отношений также приводит к возникновению дополнительных прагматических смыслов. Именно так происходит в следующем контексте – комментарии к новости об открытии кафедры теологии в одном из технических вузов:

[11] Теперь будем изучать «**божию помощь** в делении атома» и как ладаном вирусы с компьютеров изгонять, свечи за правильность сборки и компиляции ставить [Текст 0092].

Ирония говорящего вызвана тем, что ситуация, о которой идет речь, по некоторому признаку не соответствует ожиданиям или общепринятой норме. В приведенном комментарии происходит замена логического отношения противопоставления (традиционно научное познание противопоставляется религиозной картине мира) отношением объединения двух понятийных областей. Логическое несоответствие маркируется соединением внутри текста лексики, относящейся к противопоставляемым понятийным областям. В результате такого соединения ситуация представляется абсурдной, и рационально интерпретировать такое высказывание можно только как иронию.

Таким образом, можно говорить о том, что высказывания, несущие иронию, имеют особенности язы-

кового оформления, поскольку ироническая интенция требует лингвистического маркирования. Сигналами наличия скрытого смысла часто становятся намеренные отступления от имплицитных конвенций узуального употребления языковых единиц. Такие отступления, с одной стороны, нарушают (но не разрушают) семантическую и прагматическую целостность текста, с другой – могут быть интерпретированы как коммуникативно значимые. Исследование большого объема нехудожественных текстов показывает, что в ироническом дискурсе отступление от конвенций узуса может проявляться не только на уровне лексической сочетаемости, но и на более крупных отрезках текста / высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru
2. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык : (к проблеме языковой картины мира) / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.
3. Арутюнова Н. Д. Ненормативные явления и язык / Н. Д. Арутюнова // Язык и логическая теория. – М. : Центр. совет. филос. (методол.) семинар при Президиуме АН СССР, 1987. – С. 140–152.
4. Апресян Ю. Д. Языковые аномалии : типы и функции / Ю. Д. Апресян // RES PHILOLOGICA. Филологические исследования. – М. ; Л. : Наука, 1990. – С. 50–71.
5. Апресян Ю. Д. Языковая аномалия и логическое противоречие / Ю. Д. Апресян // Апресян Ю. Д. Избранные труды. – Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. – М. : Языки русской культуры, 1995. – С. 598–621.
6. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
7. Булыгина Т. В. «Аномальные» высказывания : проблемы интерпретации / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира : (на материале русской грамматики). – М. : Языки русской культуры, 1997. – С. 437–451.
8. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, 1974. – С. 24–39.
9. Шилихина К. М. Дискурсивное маркирование нетривиального лексического выбора / К. М. Шилихина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». – Вып. 12, т. 1. – М. : Изд-во РГГУ, 2013. – С. 625–633.
10. Hurley M. Inside Jokes : Using Humor to Reverse-engineer the Mind / M. Hurley, D. Dennett, R. Adams. – Cambridge, MA : MIT Press, 2011. – 359 p.
11. Кобозева И. М. Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму вербализации / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М. : Наука, 1990. – С. 125–138.
12. Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте : Андрей Платонов и другие / Т. Б. Радбиль. – М. : Изд-во МПГУ, 2006. – 320 с.
13. Glynn D. Quantitative Methods in Cognitive Semantics : Corpus-Driven Approaches / D. Glynn, K. Fischer (eds.). – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2010. – 395 p.
14. Hoey M. Lexical Priming : A New Theory of Words and Language / M. Hoey. – New York : Routledge, 2012. – 240 p.

Воронежский государственный университет

Шилихина К. М., кандидат филологических наук, докторант кафедры теории перевода и межкультурной коммуникации

E-mail: shilikhina@gmail.com

Тел.: 8(473)220-41-49

Voronezh State University

Shilikhina K. M., Candidate of Philology, Post-graduate Research Fellow of the Translatology and Intercultural Communication Department

E-mail: shilikhina@gmail.com

Tel.: 8(473)220-41-49